

Интуиция и любовь Татьяны Ахрамковой

ПЕРСОНА

«Мое правило — освежать коллектив»

Глеб ШУЛЬПЯКОВ

Режиссер Татьяна Ахрамкова пришла в Театр имени Вл. Маяковского в конце восьмидесятых — сразу после окончания ГИТИСа по приглашению Гончарова. За годы в театре она сумела выпустить семь спектаклей, и если постановки на Малой сцене («Сюжет Питера Брейгеля», «Анкор, еще анкор», «Комедия о Гамлете, принце Датском») мало известны публике, то спектакли Большой сцены — «Круг», «Валенсианские безумцы», «Шутка мецената» и «Кин IV» — занимают ведущие позиции в репертуаре театра. Публика любит их изысканность, юмор, музыкальность и трагикомические повороты. Но несмотря на успех спектаклей, Татьяна Ахрамкова остается как бы в тени знаменитых актеров и драматургов, которые участвуют в ее постановках. Эту маленькую несправедливость и пытается исправить настоящая беседа — сразу после шумного успеха «Кина IV».

— Если вы еще не устали от вопроса «Как вы стали режиссером?», то — как? Все началось с ГИТИСа?

— Все началось гораздо раньше. Моя бабушка работала когда-то в Камерном театре, дедушка — в Малом, и поэтому любовь к театру всегда присутствовала в нашей семье. Но поскольку

мои родители — люди науки, то связь эта передавалась через поколение ко мне. Что касается ГИТИСа, то я училась на курсе у Гончарова, но своим учителем считаю также и Марка Захарова, которого Гончаров пригласил преподавать на мой курс.

— Когда Гончаров пригласил вас в свой театр?

— Это событие случилось, когда я была еще на третьем курсе: я показывала тогда отрывки из «Свадьбы Кречинского» и «Процесса» Кафки, после чего Андрей Александрович и пригласил меня. Потом было еще много разных предложений, но любовь и интуиция взяли верх: я оказалась в «Маяковке». И отношение Гончарова ко мне было всегда по-особому теплым — несмотря на всю разницу наших взглядов.

— В ваших спектаклях — от «Круга» до «Кина» — угадывается тенденция к уменьшению смешливости и комизма. В них все больше серьезности и трагизма, иногда даже мрачности. Насколько все это сознательно — или случайно?

— Честно говоря, это наблюдение очень дорого для меня. Вопрос серьезный, и отмеченная вами тенденция, конечно же, не случайна. Другое дело, что трагизм усиливается не в моем творчестве как таковом, а скорее, в самой жизни — за все те годы, что я пытаюсь осуществить свои художественные

программы. Здесь вопрос, скорее, мировоззренческий, и трагизм мировоззрения сказывается на творчестве. С другой стороны, я не люблю заглядывать в бездны и купаться в «чернухе». Я, скорее, пытаюсь ее преодолеть: через искусство, функции которого помимо прочих еще и лечебные. Если мне удастся «вылечить» сначала себя, потом группу актеров — возможно, мне удастся «вылечить» и зрителя.

— В «Шутке мецената» финал безысходный — герои уходят в никуда. В «Кине IV» сумеречность преодолевается искусством театра. Так ли это?

— Преодолевается, мне кажется, просто любовью: любовью к Театру. Всякий спектакль, конечно, что-то в жизни отражает и передает — это понятно, и не это главное. Главное, на мой взгляд, — это то пространство игры, вторая реальность, та иллюзия, которой хотят пожить и актеры, и зрители. В этом, возможно, мой маленький секрет. Я вообще считаю, что искусство к жизни имеет довольно малое отношение. Искусство — это всегда отбор выразительных средств, создающих иное, свое пространство. И спектакль приходит к жизни как бы по касательной. Что же до «Шутки», то финал там действительно безысходен, хотя ангел, который уходит с героями, дает наде-

Фото Т. Кислук

жду, что они идут все же в светлое...

— После смерти Андрея Николаевича Болтнева оказалась неизвестной судьба вашей «Комедии о Гамлете, принце Датском», где он играл сразу три роли. Что будет со спектаклем?

— Вопрос очень для меня сложный. Если идти по аналогии, то после смерти Высоцкого Любимов просто закрыл «Гамлета». Но на Таганке этот спектакль шел довольно долго, тем более что от спектакля остались и записи, и киноматериалы. В нашем театре ситуация не менее трагична, но «Гамлет» был сыгран всего четыре раза, и очень жалко его те-

рять... Я не могу сказать, что спектакль снят. Все в ожидании, и я жду, что будет какая-то подсказка свыше, какое-то наитие — либо я найду актера, который будет иметь право занять опустевшее место, либо спектакль уйдет естественным путем...

— Вы открыли в театре массу замечательных молодых актеров — Шаврин, Парамонов, Андриенко, Силаева, Марычев и много других — как вы их «угадываете»?

— Мой плюс был в том, что я женщина и моя женская интуиция всякий раз оказывалась верной. Потом — я наблюдаю в жизни этих актеров гораздо чаще, чем Гончаров, который в силу своего статуса и возраста имеет право что-то в театре не замечать. Мне кажется, так и должно быть — молодые режиссеры должны работать с молодыми актерами: поколение должно расти вместе. Тем более что именно мое поколение приходит теперь в театр, становится основной базой театрального творчества. Даже язык, которым я пользуюсь на репетициях с «моими» актерами, отличается от того, на котором я говорю со старшим поколением: у нас есть свой сленг, свои условные сигналы, понятные только нам.

— В последних ваших постановках много шекспировских цитат, аллюзий, намеков. У вас период увлечения Шекспиром?

— Шекспир приходит на помощь всегда, когда наступает драматургическое безвременье. В таких случаях и обращаешься к вечным источникам, а Шекспир потому и классик, что каждое поколение вычитывает в нем свой смысл. Видимо, и я должна была переболеть этим, но в отличие от других режиссеров, которые ставят пьесы Шекспира, я ограничиваю себя аллюзиями и парафразами, которые, на мой взгляд, позволяют проникнуть уже не в драматическое, а философское пространство его драматургии.

— За пьесу «Кин IV» Григорий Горин получил премию, Александр Лазарев — за лучшую мужскую роль. О виновнице успеха — о вас — как-то забыли. Вам не кажется такой порядок вещей несправедливым или обидным?

— Нет, просто я в какой-то момент поняла, что популярность специально завоевывать нельзя: она есть или будет — или ее не будет никогда. Я думаю, мои награды и призы меня еще найдут. Мне гораздо обидней не за «Кина», а за «Шутку» или за спектакль на Малой сцене «Анкор, еще анкор», который был обойден вниманием прессы.

— Но ведь «Кин» — это огромный успех?

— Смотря что называть успехом: если тот «лом», который происходит в театре на «Кине», то это, конечно, успех. Галерка, которая не открывается толком уже много лет, была забита публикой, хотя я прекрасно помню времена, когда театры опустели во время первой волны разных съездов народных депутатов. Но время прошло, публика снова вернулась в театры, доказывая старый тезис, что искусство вечно, а политика — сиюминутна. Об этом, кстати, и «Кин».

— В «Шутке» вы замечательно используете стихотворение Георгия Иванова: «Что вы предпочитаете в поэзии?»

— В поэзии, наверное, я всеядна: люблю Серебряный век — что, в общем, не оригинально; люблю модернистские штучки, люблю открытвенный «стеб» или куртуазные тексты. Люблю духовную поэзию Аверинцева.

— После «Кина» на Большой сцене вы, видимо, будете ставить что-то камерное на Малой?

— На самом деле спроси меня: «Что ты хочешь?», я бы ответила: работать только на Малой сцене. Это — для души, для чистого творчества. Но театр — это еще и огромное производство, и мне приходится принимать часть ответственности за его судьбу. Да, наверное, что-то на Малой сцене — большего

пока сказать не могу из театрального суеверия. Как начну репетировать — все станет ясно.

— Актеры те же?

— Да, но я люблю в хорошую, ладную команду привлекать кого-то совсем нового; это мое правило — освежать коллектив.

— Витраж в финале «Кина» отколот. Это специально?

— Это специально. Некий момент разрушения гармонии и симметрии, которую я не очень люблю. В этом есть какая-то театральная ирония, некая эстетическая необязательность, которую я оставляю за собой, когда все с иголочки, но с маленьким нарушением правила.

— Есть ли у вас какой-нибудь афоризм, который можно было бы поставить в эпиграф к вашему творчеству?

— В театре в моем окружении мой творческий метод шутиливо называют «методом бичующего эротизма». Но если серьезно, то никакого афоризма у меня нет. Я никогда не считала театр своей профессией; это не искусство — это единственная возможность выжить в наше время. Наверное, так...

«Век» поздравляет Татьяну Ахрамкову с престижной наградой — премией «Золотой Остап». Даст Бог, не последней...